

Виктор ПУЛЬКИН

г. Петрозаводск

Полено́вы

в Петрозаводске

«Мне кажется, что искусство должно давать счастье и радость, иначе оно ничего не стоит.

В жизни и так много пошлости и грязи, что если и искусство тебя будет сплошь обдавать ужасами да злодействами, то уже жить станет слишком тяжело».

Из письма В.Д. Поленова В.М. Васнецову, январь 1888 года

Академик С.Б. Веселовский в знаменитом «Ономастиконе»* называет и предка рода Поленовых – белозерского крестьянина Семена Полено, жившего в начале XVI века. А через 250 лет потомок его, Алексей Поленов, направлен по рекомендации Михаилы Ломоносова на учебу в европейский университет. Впоследствии он стал видным русским дипломированным юристом, родоначальником плеяды Поленовых-правоведов, внесших весомый вклад в развитие общественных наук в России.

А.Я. Поленов помогал Александру Сергеевичу Пушкину в архивных разысканиях. Родственные узы связывали Поленовых с семьями архитектора и писателя Н.А.Львова, великого Гаврилы Державина, героя войны 1812 года генерала А.В.Воейкова. С конца XVIII века Поленовы причастны Олонецкой губернии: они приобрели поместье усадьбу на юге Карелии, на реке Ояти.

Олонецким помещиком стал Дмитрий Васильевич Поленов (1806–1878) – юрист, историк, исследователь летописей, библиограф. В молодые годы он служил сек-

ретарем русской миссии в Афинах. В 1861 году переведен в Петрозаводск на должность непременного члена губернской комиссии по крестьянским делам. Это в годы службы в нашем крае Российская Академия наук изберет его своим членом-корреспондентом.

Жена Д.В. Поленова, Мария Алексеевна (1816–1895), – художница-портретистка брюлловской школы и детская писательница – развлекала в своих детях – троих сыновьях и двух дочерях – любовь к рисованию. Шестнадцатилетний Василий Дмитриевич Поленов, будущий знаменитый художник, поступил в Петрозаводскую гимназию, уже получив в Петербурге уроки рисунка и живописи от великого воспитателя ряда выдающихся русских художников, Павла Петровича Чистякова.

Двухлетнее пребывание в тогдашней глубокой провинции, в губернском Петрозаводске, не прошло даром для талантливой семьи Поленовых.

Об этом периоде биографии Василия Дмитриевича Поленова мне и хочется вам рассказать.

* Ономастикон – 1) раздел лингвистики, ономастиологии, изучающий имена собственные; 2) совокупность собственных имен в данном языке. Словарь иностранных слов. «Русский язык», М., 1988.

1.

Шаги по Соборной площади

Пяди золотой седины лета пронизали усталую зелень прибрежного парка возле проплеска онежских волн. Отсюда рос, поднимаясь на ярусы холмов, русский рабочий город. От крепости-фортеции с деревянной церковью святых апостолов Петра и Павла. От первых цехов пушечного Петровского завода в устье речки Лососинки. Следы столетий на крутизне улички, поднимающейся к старинной Соборной площади, слывущей ныне площадью Кирова.

Хрусткие пальцы листья пронес озерный ветер к ступеням здания Музея изобразительных искусств, а когда-то губернской гимназии. В синих сумерках на исходе августа от старых камней веет теплом истаявшего лета — и цветением старых традиций просветительства. В окнах-очах, кажется, еще отражаются клубящаяся купола и острые шпили некогда окружавших старинную площадь храмов, исгасших здесь золотых крестов.

В канун православного церковного Новолетия — и в любом возрасте волнующего нас начала учебного года! — слышу поступь некогда прошедших здесь людей, учащих и учимых. Рядом со зданием былой гимназии — женская прогимназия. С одними из учеников и учениц этих школ еще довелось встретиться, беседовать. Имена других знаемы — запечатлены на мемориальных досках, в столбцах статей энциклопедий.

Вспоминаю имена и своих наставников, внимая немеркнущим словам Нового Завета о том, что «иных Бог поставил в Церкви во первых апостолами, во вторых пророками, а третьих учителями»

(1 Кор., 12,28). Так высоко стояло обиходное ныне слово. Меня и поныне волнует облик самой маленькой сельской школы, видение девчонки-учительницы, бегущей утром рано к своим первым ученикам, — и седины старого педагога. Каждому из нас близки слова Н.А. Некрасова о мудром наставнике: «Учитель! Перед именем твоим позовь смиленно преклонить колена!»

2.
Василий Дмитриевич Поленов
(1844–1927)

О троком пришел Василий Поленов к этому порогу. Каменный особняк гимназии высился в деревянном по преимуществу городке, как дворец Алкиноя. Двери гимназисту отворил отставной севастопольский унтер. Медные георгиевские кресты поблескива-

ли на форменном сюртуке швейцара. Горьковатым дымом горелого металла повевало со стороны Александровского пушечного завода, лежащего в недальней отсюда пойме реки Лососинки. Пронзительной прохладой дышало Онего.

Позади у Василия Поленова были годы детства в Санкт-Петербурге, учеба в столичной гимназии. И — незабываемые уроки у тогда еще бывшего студента Академии художеств, будущего великого художника-педагога Павла Петровича Чистякова. По забытой теперь методике изучения истории, географии юный

Поленов совершил вольное путешествие по просторам России на тарантасе!

Василий Поленов побывал в познавательной экскурсии вместе с отцом и братом. Путем-дорогой они много рисовали, запи- сывали, впитывая впечатления. От Пскова и Новгорода они проехали через Москву и Тверь к белокаменным волжским городам. Побывали в древнем монастыре в Борисоглебске, том, из-за башен которого, увенчанных коваными прапорцами в виде архангелов с трубами и мечами, некогда выехал на поле Куликово, испросив благословения святого Сергия Радонежского, монах-богатырь Пере- свет. Тот самый, которому предстоял поединок с Голиафом полуденных степей, Челубеем.

В Борисоглебской слободе, что под Ярославлем, начался путь Поленовых вослед ратнику Дмитрия Донского в срединную степную Русь, на край Дикого Поля. В те места, где стоят города свято-русские, выросшие как крепости древней Большой Узды, смирившей Дикую степь — от Путиня к Брянску, Курску, к землям Тульским и Рязанским, к Нижнему Нов-

городу. Рыжая рожь в крестьянских полях скрывала подростков с макушкой, словно лес. В синие вечера звездное небо сливалось со светящимися в траве мириадами неведомых северянам светлячков. Ночами «во чистом поле», дышащем былинными временами, кричали коростели. И образ пространной родины навсегда запечатлелся в сердце будущего художника.

Да и здесь, на краешке России, в Петрозаводске, Василию Поленову, его сестре и братьям повезло с учителями. Рисование в гимназии преподавал Герасим Иванович Иванов, пристрастивший отрока Поленова к работе на пленере – на открытом воздухе. С ящиками красок и мольбертами учитель и ученик странствовали по берегам Лососинки вплоть до ее истоков у озера Лососиного – водохранилища, вырытого при Петре I. Уходили под парусами на Бараний Берег и в Соломенное, в Ялгубу и Суйсарь.

– Примечай: светоносны травы на Севере! – блаженствовал учитель, обретя понятливого и усердного ученика. – Это оттого, что и летом солнышко у нас поднимается невысоко над океем, напросвет пронизывая всякую малую былинку. И травушка у нас, как в песне поется, – шелковая. Не поспевает войти в жесточь, как на юге!

Они – учитель и ученик – шагали по округлым, слаженным древним ледником камням. Раставив голенастые треноги мольбертов, наперебой старались взять на этюде верное соотношение слюдянистого низкого неба и холодных скал в ржавчине охристых мхов, радуясь успеху друг друга. Хрупкие цветы северной розы – шиповника на открытых всем ветрам кряжах, репейчатые главки древних часовен и церквей умиляли художников. Путевые альбомы полнились зари-

совками карельской природы... Нередко за Герасимом Ивановичем и Василием увязывалась в путешествия по окрестностям Петрозаводска и младшая сестренка Поленова, Елена...

В.Д. Поленов, уже став создателем грандиозных полотен на историческую и библейские темы, остался и проникновенным певцом русской природы. Им написаны такие картины, как широкоизвестный «Московский дворик», лирические пейзажи, посвященные Русскому Северу. В фондах нашего Музея изобразительных искусств, – сообщил кандидат искусствоведения В.Г.Платонов, – хранятся два небольших холста, написанных В.Д.Поленовым в Олонецкой губернии, – «Гористый берег Ояти» и «Пейзаж с рекой» (около 80-х годов XIX века).

Василий Поленов окреп, превратившись в Петрозаводске из подростка в юношу: от многочасовой гребли на тяжелой сосновой «кижанке» раздался в плечах, лицо загорело и обветрилось на озерном ветру. Отец настороженно наблюдал за увлечением сына живописью, за успехами его в постижении начал изобразительного искусства. Дмитрий Васильевич считал, что прежде всего Василий должен, по семейной традиции, получить высшее юридическое образование.

– Петрозаводская гимназия дает достаточную подготовку для поступления в университет! – заступалась за своего первенца мать. – И в Академию художеств... Почему бы в будущем не совместить учебу в Академии и в университете!

«Вася и Алеши выдержали свои экзамены и 14 июня получили аттестаты для вступления в Университет, – писала Мария Алексеевна Поленова об успехах сыновей другу семьи летом 1863 года. – Экзамены их, по словам учителей и директора, были со-

вершенно блестательны. Алешин аттестат еще великолепней Васиного. А Вася этому больше всех рад и говорит мне: для Алеши это важнее, потому что он имеет главное в виду Университет, а для меня все-таки главное – Академия художеств».

И в годы жизни в Петрозаводске Василия Поленова не оставлял своими советами Павел Петрович Чистяков. К этому времени он уже окончил Академию художеств и направлен пансионером в Рим. Павел Петрович настоятельно советовал своему первому ученику как можно больше писать с натуры, наблюдать народную жизнь на Русском Севере. Впоследствии, оценивая дебют Поленова на выставке, он отмечает: «Народно, красиво...»

3.

Иван Петрович Хрущев

Другом, советчиком Василия Поленова на всю жизнь стал молодой – двадцатирхлетний – учитель словесности в Петрозаводской гимназии, будущий киевский профессор Иван Петрович Хрущев.

Отец будущего художника во время пребывания в Петрозаводске принялся писать историю жизни деда, автора «Записки об уничтожении крепостного права в России». И молодой педагог Хрущев принял участие в издании этого труда о сподвижнике А.Н.Радищева. Иван Петрович был учителем братьев Поленовых – Василия, Константина и Алексея. А вскоре и вошел в эту замечательную семью, стал мужем сестры своих учеников, Веры. С Василием Вера связывало особое родство: они были близнецами. (Впоследствии Вера Дмитриевна Поленова станет литератором, школьным и общественным деятелем.)

Потом, через годы, пожилым че-

ловеком и знаменитым художником, Василий Дмитриевич напишет своему старому учителю словесности: «Перебирая в памяти минувшие годы, с каким чувством радости я останавливаюсь на светлых, полных упоительных надежд 60-х годах. Твоя горячая, талантливая, глубоко человеческая проповедь была ярким светом, озарившим нашу начинавшуюся жизнь. И теперь он мне светит, указывая путь». Сказано о жизни Поленова в нашем городе...

Думаю, в этом письме не случайно прозвучала и мысль о проповедничестве. Изначально, отвлекаясь и уходя в поиски, Василий Поленов шел к теме Учителя человечества, Иисуса Христа. В семье жил кульп памяти Александра Иванова, его великой картины «Явление Христа народу». Глубоко воспринимала мысль, пытливый поиск сына-художника мать семейства, Мария Алексеевна.

В творчестве Василия Дмитриевича всегда будет жить память о Петрозаводске, о его здешних гимназических учителях, ярко соединенная с темами Священной истории, с темой Благовествования о Боге Слова, Иисусе Христе.

Картины В.Д. Поленова займут в ряду полотен его современников заметное, особенное место. Они светозарны по цвету. В чем-то русский художник был предтечей французских импрессионистов и верным учеником Александра Иванова в отношении к свету. (Вспомним уроки скромного петрозаводского учителя рисования Герасима Иванова и советы Чистякова больше писать «в пленер!») К тому же, опять-таки восслед А.Иванову, В.Д. Поленов – художник-философ, чему, видимо, не мало содействовали знания, данные ему в Петрозаводске обожаемым Иваном Петровичем Хрущевым. Вспомним хорошо известные картины В.Поленова «Христос и грешница», «На Генисаретс-

ком озере», «Среди учителей»...

Само время собрало в Петрозаводске, который в то время, по отзыву одного из современников, «губернским городом может быть назван разве что по недоразумению», в который, чуть встанет на Онего лед, набегали из соседних лесов волки, – в этом городе собралось созвездие замечательных людей. В губернских попечительных комитетах старший Поленов сотрудничает с директором гимназии Ф.Е.Фортунатовым, известным российской общественности как автор статей по проблемам педагогики. Здесь в это же время подрастают Фортунатовы-Сыновья, Филипп и Алексей. Они станут впоследствии крупнейшими учеными. Старший будет академиком, основоположником нового течения в славистике. В маленьком – всего-то в восемь тысяч населения, вместе с рабочими завода и воинским гарнизоном! – городке, в то время еще не связанном железной дорогой с культурными центрами России, текла напряженная интеллектуальная жизнь, подрастили достойные дети.

4. Елена Дмитриевна Поленова (1850–1898)

Замечательный это был дом – семейство славных Поленовых!

И младшую сестру Василия Дмитриевича мы хорошо знаем: Елена Дмитриевна Поленова – поэтичный иллюстратор русских сказок, живописец, глубоко чувствующий родную северную старину. К отблескам высокой крестьянской культуры Елена Поленова прикоснулась в детские годы, проведенные у нас в Карелии, в Петрозаводске. Вырастая в глубоко интеллигентной среде своей семьи, семей дру-

Елена Дмитриевна
Поленова

зей Поленовых, под влиянием художественно одаренного брата и его учителя рисования, Герасима Иванова, девочка успела воспринять и красоту русского народного творчества. Потом была встреча с великим педагогом, воспитавшим ряд замечательных русских художников, учителем и, как мы уже говорили, Василия Поленова. Конечно, это был все тот же Павел Петрович Чистяков.

И тут я не могу преодолеть искушения привести обширную цитату из малоизвестной автобиографии Елены Дмитриевны Поленовой, рассказывающей о ее своеобразном творческом пути.

– Я считаю себя исключительно ученицей Чистякова. Это был мой первый и последний учитель. Я начала брать у него уроки – мне было девять лет, он был учеником Академии, писал, кажется, «Софью Витовтовну». Потом я училась два года в Школе Общества поощрения художеств у Крамского, потом он мне давал уроки на дому. <...>

На первом экзамене удостоена была малой серебряной медали,

на втором – большой серебряной медали и была послана в Париж для усовершенствования в живописи акварелью. Вернувшись в Петербург, устроила для себя класс и преподавала то, чему научилась в Париже. В то же время ходила в Школу общества Поощрения художеств в акварельный класс, где в конце года получила медаль большого достоинства.

– В этот же 1881 год переехала в Москву. Сначала продолжала заниматься фаянсовой живописью, потом стала работать акварелью и маслом, а впоследствии приняла участие в деятельности абрамцевской мастерской.

– Имение Абрамцево находится в Дмитровском уезде Московской губернии и принадлежит Елизавете Григорьевне Мамонтовой. Там владелица села основала школу грамотности и при ней – столярная мастерская, в которой крестьянские ребята, кончивши учиться грамоте, обучались под руководством простого мужика столярно-плотницкому мастерству. В это время, в 1885 году, я познакомилась с Абрамцевской мастерской, так как Елизавета Григорьевна захотела дать мастерской новое направление: ввести туда художественный элемент.

– Мы сообща решили начать столярное производство такого рода, чтобы она могла работать в Абрамцеве, а продукцию посыпать в Москву на выставки и для продажи. Я принялась делать рисунки, предметы, придерживаясь того, что производится народом для его собственного обихода.

Вокруг Абрамцевской мастерской составился кружок людей, заинтересованных в изучении крестьянского искусства. Были организованы поездки в отдаленные уголки Ярославской, Владимирской, Костромской губерний, собраны коллекции предметов, украшенных художественной резьбой, – солонки, донца прялок, швейки,

вальки и рубели, столы и висячие шкафчики, передки и сиденья саней. Участники экспедиций зарисовывали орнаменты крестьянских вышивок и тканые узоры – собрался уникальный материал. Для деятельности Абрамцевской мастерской – и, конечно, для творчества Елены Дмитриевны Поленовой.

Рисунки на темы русских сказок стали основным направлением творчества художницы, и работа эта получила общественное признание: книги с иллюстрациями Елены Поленовой обратили на себя внимание ведущих критиков. Подбирая материал для этого очерка, я наткнулся на показательные в этом отношении строки из письма самого Владимира Васильевича Стасова Павлу Михайловичу Третьякову: «Акварели Елены Поленовой отличные, и притом по творчеству они гораздо сильнее и важнее, чем все картины ее брата!» Конечно, это сильное преувеличение, которое позволил себе темпераментный критик. Но оно отражает тот интерес, который проявило русское общество к творчеству художницы, начинаяющей путь в Петрозаводске.

Гармонично сложившийся с юных лет стиль графики Елены Поленовой (локальные акварельные заливки, строго намеченный колонковой кистью четкий контур), тематика ее листов, навеянная севернорусским фольклором, и прежде всего волшебными сказками, определили впоследствии и поиск другого замечательного русского графика, И.Я.Библилина.

Иван Яковлевич предпринял путешествие в Олонецкую губернию в самом начале XX века – в 1903 году. Художник побывал в Заонежье, Прионежье, Поморье, сделав уникальные зарисовки крестьянских хором и храмов, проникался, вслед за Еленой Дмитриевной, красотой Русского Севера.

Можно усмотреть продолжение этой традиции русского искусства – начало ее, по признанию самой Елены Поленовой, было положено Виктором Васнецовом – в книжной графике нашего современника и земляка Николая Ивановича Брюханова и творчестве более молодых его коллег – Бориса Акбулатова и Олега Чумака. Особенно в тех работах, где наши художники обращаются к темам народного творчества.

В эти же годы прорезывается и литературный талант Елены Поленовой. Посланный ею рассказ вызывал все у того же В.В.Стасова, критика в общем-то очень взыскательного, всплеск эмоций: «Ваша натура, – написал он начинающей писательнице, – направлена ко всему национальному так глубоко, так искренне, так верно и метко, что у нас еще подобного не видано и не слыхано между женщинами, да, вероятно, не скоро будет услыхано в другой раз! Мало того: я думаю, что и между мужчинами это редкость и исключение изрядное. Ваш нынешний текст сильно, сильно меня порадовал».

А я, с радостью обнаружив это письмо В.В.Стасова, опять подумал, что все же корни творчества славной художницы – здесь, в Петрозаводске, ну и, конечно же, в недрах талантливой и трудолюбивой семьи Поленовых. И я вновь обращаюсь ко времени пребывания Поленовых в нашем городе.

5.

Павел Николаевич Рыбников (1831–1885)

Синим осенним вечером гимназист Василий Поленов слышит доносящийся из передней возбужденный голос отца, только что вернувшегося из очередной поездки по губернии:

– Были мы в Кижах, Шуньге и Толвуе. Это чудо, чудо, Маша! Здешний чиновник Рыбников отыскал там, в нашем Заонежье, истинных певцов-рапсодов! Подумай только: крестьяне тамошние помнят времена древнего Киева и Новгорода, поют о Владимире-князе и о Садко-богатом госте! Кажется, наш Павел Николаевич по молодости лет и сам еще в полной мере не осознал значения своего открытия. Значит, в Олонецком крае живет не только карельский эпос, песни которого собрал великий финн Элиас Леннирот, но и русские былины, которые мы знали только по небольшому, столетней почти давности, сборнику уральца Кирши Данилова!

Павел Николаевич взбежал по крутой узкой лестнице каменного флигеля окраин губернаторского сада на третий этаж, перепрыгивая через ступеньку. Отворил дверь в холостяцкую, под беленым сводчатым потолком комнату. Сбросил тяжелый от сырости дождевик на домодельный диванчик. Присел к столу, по студенческой еще привычке подвернув под себя ногу.

Рыбников торопился просмотреть новые записи былин. Золотистая листва клена за узким окном, забранным литой узорной решеткой, бросила теплый охристый блик на молодое бородатое лицо с добрыми темными глазами. На вышитое красным льняным узором оплечье белой полотняной косоворотки, тугу перехваченной гарусным, с цветными кистями, каргопольским крестьянским пояском.

Смеркалось. Рыбников запалил свечу. Разгораясь сердцем, вновь с благодарностью вспомнил лекции, слышанные им на филологическом факультете Московского университета. Его обожаемым учителем там, привившим юноше любовь к устной

Павел Николаевич
Рыбников

народной поэзии, был первый русский профессор-фольклорист Федор Иванович Буслаев...

Да полно! Стоит ли автору этого очерка давать волю воображению, вызывая к жизни облик знаменитого теперь собирателя и публикатора былин русского героического эпоса! Ведь имеется достоверное свидетельство сверстника и друга П.Н.Рыбникова, учителя петрозаводской гимназии В.Н.Модестова. Вот что он писал о Павле Николаевиче:

– Это был в то время высокий, стройный, очень красивый мужчина лет двадцати шести – двадцати семи, обративший на себя внимание петрозаводского общества и своим блестящим образованием, и своим интересным положением (он жил в ссылке). Он был знаком с историей философии и ближайшим образом с Гегелем. Ему была хорошо известна экономическая литература Франции и Германии. Он имел в древней классической литературе познания, которые приводили меня в изумление. Целые вечера, иногда даже ночи, мы проводили с ним в

разговорах, которые заставляли забывать, что живешь в отдаленном городе северной России...

О многосторонней деятельности П.Н.Рыбникова в нашем крае сообщает и газета «Олонецкие губернские ведомости» (№ 93, 1885), уделявшая на своих страницах большое внимание фольклору Карелии. Павел Николаевич Рыбников прибыл в Петрозаводск в 1858 году по окончании курса в Московском университете. Хотя и был он на положении ссыльного – «за участие в студенческих беспорядках и за хождение в русском платье», молодой филолог был определен в штат канцелярии олонецкого губернатора и назначен членом-делопроизводителем губернского статистического комитета.

Уже через год беспорочной службы П.Н.Рыбников стал помощником правителя канцелярии, секретарем статистического комитета. Служил чиновником особых поручений при губернаторе, советником губернского правления. И тут, рассказывают, принимал доклады полицеистера о поведении ссыльных, к которым и сам, как мы знаем, относился. За отличную усердную службу пожалован орденом Станислава с императорской короной. Таков значительно сокращенный нами послужной список петрозаводского чиновника П.Н.Рыбникова. А вот сведения о собирательской его работе, сообщенные старинной газетой, приведу полнее.

«П.Н.Рыбников пользовался особенною приязнью и уважением А.С.Хомякова*», – пишет безымянный петрозаводский журналист более ста двадцати лет тому назад. – В своих пеших переходах из Москвы в Черниговскую,

Пермскую и Олонецкую губернии, обратившись к изучению жизни русского народа, П.Н.Рыбников прислал А.С.Хомякову труды свои, «Народные былины, старины и побывальщины», записанные в Олонецкой губернии. А.С.Хомяков, получив первые тетради песен, выразил желание издать их. Песни, собранные Рыбниковым во время служебных разъездов по Олонецкой губернии в конце 1859 и в следующих годах, составили четыре тома, из коих I и II изданы в Москве в 1861 и 1862 годах, а III том – в Петрозаводске Олонецким статистическим комитетом в 1864 году. Том IV вышел в Петербурге в 1867 году».

По следам Рыбникова объехал Олонецкую губернию председатель отделения этнографии Императорского Русского Географического общества А.Ф.Гильфердинг в 1871 году. Плодом поездки было его «Собрание былин», записанных в нашем крае.

П.Н.Рыбников трудился и над составлением статистических материалов. Им напечатаны статьи о разведении льна, о рыболовстве и охоте, о состоянии губернии, о Шуньгской ярмарке. В 1867 году Павел Николаевич женился на дочери местного чиновника и уехал в польский город Калиш, куда был назначен вице-губернатором.

Таким знали П.Н.Рыбникова как раз в те годы, когда в Петрозаводске жила и семья Поленовых.

О Павле Николаевиче нам остается сказать только, что умер он в один год со своим заонежским другом и лучшим сказителем былин, всемирно известным теперь кижанином Трофимом Рябининым.

Трофим Григорьевич Рябинин

6.

Рябинин Трофим Григорьевич (1791–1885)

Это уже потом, к концу века, ровесница П.Н.Рыбникова, народная поэтесса И.А.Федосова будет приглашена выступить публично в городской аудитории. И случится это все здесь же, в здании на Соборной площади, в местной женской гимназии. И в память об этом на поныне сохранившемся здании этой школы к 150-летию со дня рождения великой сказительницы установлена мемориальная доска. Но к этому времени певцы былин Заонежья уже нередко бывали гостями учебных обществ и светских салонов России и Западной Европы.

Пожалуй, самое первое выступление вне крестьянской общины, «перед господами», состоялось в Петрозаводске в холостой квартире Павла Николаевича Рыбникова. «По приятельству», как выразился однажды Трофим Ряби-

* А.С.Хомяков (1804–1860) – русский религиозный, философский писатель, поэт, журналист. Один из основоположников славянофильства. Член-корр. Петербургской Академии наук. Выступал с позиций либерализма за отмену крепостного права, смертной казни за введение свободы слова, печати.

ин, одаривая Рыбникова шитым полотенцем. По дружбе сказитель принял и приглашение выступить в Петрозаводске.

Вот неспешно поднимается Трофим Григорьевич от людной петрозаводской пристани, где постукивает о причал резным штевнем смоленая лодка-кижанка Рябинина. Идет Соборной улицей на одноименную площадь. Это, как записал современник, «старик среднего роста, крепкого сложения, с небольшой седеющей бородой и желтыми волосами». На нем длинный серый кафтан из домотканины, за спиной — берестяной кошель. Это один из тех крестьян, каких в ту пору на улицах Петрозаводска можно было увидеть на каждом шагу. Но было в нем что-то такое, от чего расступилась, примолкла стайка гимназистов у подъезда высокого каменного здания, почтительно пропуская путника.

Суровый старик прошел Английской улицей, где справа от него пестрели за палисадами дома чиновников и инженеров, а слева погромыхивал в ложбине у реки Александровский завод. Вот и Круглая площадь, где находятся губернские «присутствия» и где среди старых лип и кленов стоит каменный флигель, куда и держит путь Рябинин. Дверь под кованым козырьком приотворена: здесь ждут гостей.

В одном из своих писем Павел Николаевич поименно перечислил имена слушателей кижанина в тот памятный для русской культуры вечер. Это уже знакомые нам В.Д.Поленов, Ф.Н.Фортунаров, губернский почтмейстер А.П.Преферанский. Посетили квартиру Рыбникова учителя В.Н.Модестов, П.Н.Остроумов. Имя гимназиста-старшеклассника Василия Поленова при этом среди взрослых гостей не назва-

но. Но можно быть уверенным: отец его, гордящийся совместными с Рыбниковым поездками в Заонежье, памятными встречами там со сказителями, истово заботящийся о том, чтобы дети его «знали Россию», не преминул познакомить своих сыновей и дочерей с чудом воскрешения древних наших памятей — былин русского героического эпоса.

Какие былины пел в тот давний памятный вечер сказитель? Ведь он, замечали собиратели, непременно учитывал характер «обчества», ему внимавшего. Для молодых у него одни песни, иные — для «середовичей» годами. Третья — для «матерых людей». Совсем иные — для женщин. Отбор велся «по интересам», а Трофиму Григорьевичу было из чего выбирать. Он знал до полусотни былин, составляющих 6000 стихотворных строк. «И где он учился этой отчетистости слова, мастерству дикции, — изумлялись слушатели. — Этому давнему, идущему из глубокой древности распеву, которым будут восхищены наши композиторы?»

Трофим Григорьевич, как впоследствии и потомки его в четырех поколениях, замечательные сказители, представители так называемой династии сказителей Рябининых, запомнились поколениям собирателей песен героического эпоса глубоким чувством собственного достоинства, умением постоять за себя. Рассказывают: наскочил на Трофима Григорьевича какой-то канцелярист, жаждущий взятки. Рябинин не дал. Полицейский писаришка уже было и кулак поднял. Рябинин сурово отстранил его, предупредив: «Ты это оставь. По этим делам я еще никому должен не оставался!» У «его благородия» и крылья опали.

Через несколько десятков лет

наследник Трофима Григорьевича Иван — между прочим, одногодок Василия Поленова — пел в первопрестольной Москве для избранной публики, светской и ученой. При этом прихватил в белокаменную свою повседневную работу. Бросил в дорожный кошель конопляные и льняные нитки, клещевины и палицы, привез в город. И вот, нанизывая слова эпической песни о святогорусских богатырях восхищенной аудитории, плел между тем свой сетный постав, мережу ли, верши, — так, как приобрывал у себя в Кижах.

Петрозаводчанка, доктор филологических наук Неонила Артемовна Криничная, исследуя творчество сказителей Рябининых, пришла к интересному выводу: глубинна связь артельного быта, а также ремесла сетевязов и рыбаков Заонежья, с рождением и жизнью былинного слова, с сохранением эпической традиции на Русском Севере*.

...Итак, уже в юные годы в жизнь Василия Поленова, как и в жизнь всего русского искусства, литературы, науки в середине века, вошла тема былинного эпоса. К этой теме художник не раз обращался (в частности, в своих театральных замыслах и свершениях). Опосредованно же, как мы увидим далее, наши героические песни нашли отражение и в картинах Поленова на христианские, евангельские темы.

7. Сын человеческий

Василий Поленов с давних лет, со времен семейного обожания имени и творчества Александра Иванова, шел к теме Христа. Волевые, суровые лики сказителей былин, во времена его молодости нередко приглашаемых

* Н.А. Криничная. «Он стал вязать сетки, ловушки и другие рыболовные снасти...» //Живая старина, 1995, № 4.

для публичного исполнения песен героического эпоса, могли напомнить впечатлительному юноше облик святых апостолов, а берег Генисаретского озера на одной из картин Василия Поленова живо напоминает приплеск Петрозаводской губы Онего, соразмерной, как мы знаем, библейскому морю-озеру.

«Трудная задача передо мной, — писал художник, приступая к картине на евангельскую тему. — Непосильная. Но я не в состоянии от нее отказаться. Слишком охвачен я величием этого человека, красотой повествования об Учителе. Хочется доискаться исторической правды, изобразить предметы по возможности ближе к действительности...»

Тема странника-философа, обращающего к людям заветное Слово, вошла в сознание художника. Он с золотой медалью окончил Академию. Увидел Италию, Францию, страны Востока, Святую землю. На сербской войне получил солдатскую медаль «За храбрость». На болгарском фронте, под турецкими пулями, встретился с окопным солдатом Всеходом Гаршиным, впоследствии знаменитым русским писателем.

Напомним: Всеход Михайлович Гаршин (1855–1888) в юношеские свои годы провел, как и В.Д.Поленов, два лета в Петрозаводске, в гостях у своего любимого учителя П.Н. Заводовского, и у молодых людей, встретившихся на войне в далекой стране, было немало общих воспоминаний. Кроме того, литератор, одетый в грубую шинель солдата-добровольца, был глубоким знатоком и ценителем живописи. Зашла речь о замысле новой картины, и Василий Поленов записал суждение В.М.Гаршина, ставшее для мастера путеводным: «В евангельских сказаниях Христос — живой человек, Сын Человеческий. А по величию он — Сын Божий. И в ис-

кусстве надо дать живой образ».

И вот перед нами этюд маслом, написанный зрелым художником, вновь ненадолго приехавшим в Олонецкую губернию. Усталый крестьянин, ровесник живописца — и Христа времен Нагорной проповеди, — сидит под углом бревенчатой избы. Лапти, дорожный посох. Усталое лицо. Подпись: «Сказитель былин Никита Богданов, 1875 г.» (Богдановы, односельчане Рябинина, жили в дер. Середка близ Кижей. Один из них, Леонтий, и познакомил Рыбникова с классиком былинного сказительства, Трофимом Григорьевичем Рябининым, своим однодеревенцем. Возможно, и Никита из этой семьи.)

Сравните-ка этот этюд с изображением Иисуса на картине «Христос и грешница» (1885). Чуть иначе повернута голова. Погоны переложен к левому плечу... Прообразом для изображения Учителя, по нашему наблюдению, стал заонежский сказитель, сидящий в той же позе усталого путника!

Русская публика тепло встретила напоенную живыми красками, правдой жизни, человеколюбием картину Василия Поленова. Глубже всех определил образ Спасителя на этом полотне старый товарищ художника В.М.Гаршин: «Христос Поленова очень красив, очень умен и очень спокоен. Его роль еще не началась. Он ожидает... Что бы ни спросили у Него, Он знает, что ответить. Ибо у него есть в душе живое начало, могущее остановить всякое зло».

* * *

Василию Дмитриевичу Поленову на исходе 20-х годов XX века присвоено высокое звание Народного художника России. В нашей памяти он остался как выдающийся мастер станковой живописи и как замечательный ху-

дожник-педагог, прямой наследник традиций Павла Петровича Чистякова.

Плечом к плечу с Виктором Михайловичем Васнецовым он обновил русскую театрально-декорационную живопись и в конце жизни всецело посвятил себя работе для театра. Во всей его жизни ощущаются благодатные корни начала жизни, отроческих лет, проведенных в Олонецком крае, в Петрозаводске, в лоне большой, дружной, талантливой семьи. Об этом периоде жизни В.Д.Поленова горожанам напоминает мемориальная доска, укрепленная на здании бывшей петрозаводской гимназии. Теперь здесь располагается наш замечательный Музей изобразительных искусств, достойный, мне кажется, носить имя Василия Поленова. В память о художнике, его талантливых родителях, братьях и сестрах, судьбой причастных этому дому.

Василий Дмитриевич Поленов и сам впоследствии стал главой многочисленного, одаренного талантами семейства. Жена его, Наталья Васильевна, была искусствоведом, автором нескольких книг. Среди шестерых детей Поленова видим художников, писателей, деятелей театра. Один из сыновей, Дмитрий Васильевич, стал первым директором Музея-усадьбы В.Д.Поленова в Тульской области. Мне же всего ближе пленительный образ талантливой, рано ушедшей из жизни и ныне малоизвестной художницы из рода Поленовых — Елены Дмитриевны Поленовой...

Во дни наших непростых времен пожелаем же себе и близким, всем сущим сохранения вечно живого начала души: стремления к добру и отвращения от зла. Мудрого спокойствия. Сохранения достоинства перед лицом ожидающих нас испытаний. И — благодарной памятливости о деяниях тех, кто был прежде нас, доброго пути тем, кто придет после. □